

О

ктябрьский порыв, всколыхнувший невиданную социальную энергию масс, помимо прочего, породил удивительный феномен — молодежную печать. Такого в мире еще не было. Молодые люди, жаждавшие перестроить свою жизнь, потянулись к слову. Тогда, 100 лет назад, начинали свой путь и первые воронежские «молодежки» — предтечи славного, известного на всю страну «Молодого коммунара». 6 июня 1918 года увидел свет журнал «Юный пролетарий». Заметим, произошло это за пять месяцев до официального рождения комсомола. Издание должно было выходить каждые две недели, и задачу перед ним поставили ответственную — «сблизить рабочую молодежь друг с другом, глубже разъяснять общие интересы молодежи».

Однако реализовать это в горниле вспыхнувшей гражданской войны было невозможно. Вышло всего два номера «Юного пролетария». В те годы столь же недолгой была судьба и других молодежных изданий. Фронтной Воронеж переходил из рук в руки. Но при любой возможности в партийных газетах появлялись специальные страницы. В 1920 году в «Воронежской коммуне» создается газета в газете «Юная гвардия» — всего вышло 11 номеров. В 1920–1922 годах выходит еженедельная газета-журнал Воронежского губернского и уездного комитетов РКСМ «Призыв». Тираж издания составил 1,5 тысячи экземпляров, а количество номеров достигло небывалого по тем временам рубежа — 57. Следующее пятилетие — 1922–1927 годы — отмечено сначала выходом юбилейной газеты «4 года РКСМ», а с декабря 1922 года начала издаваться газета Воронежского губкома РКСМ «Комсомолец».

Жизнь и работа молодежных журналистов была неотделима от стремлений и забот страны, Воронежского края, комсомола: преодоление разрухи, индустриализация, стройки первых пятилеток, коллективизация, ликвидация неграмотности... Этим дышала каждая газетная строка. Неотделимы судьбы газетчиков и от жестоких страданий тех лет. В 1937 году был арестован, исключен из партии и приговорен к пяти годам лагерей Николай Стальский. А ответственный редактор газеты «Молодой коммунара» Ханван Ягудин в 1938 году попал в расстрельные списки. Пострадали многие другие журналисты... Но они выдюжили, выдержали, пережили тяжелейшие испытания. Сохранились удивительные строки Николая Стальского из того времени: «Нам было трудно, нам было голодно. Но мы были счастливы...»

С 1928 года начинается новая эпоха местной молодежной печати — эпоха «Молодого коммунара», одной из лучших региональных молодежных газет страны. Такое название воронежская комсомольская газета получила, когда была создана Центрально-Черноземная область, объединившая Воронежскую, Курскую, Орловскую и Тамбовскую губернии, с центром в Воронеже. Поначалу вышло несколько номеров под «приземленным» логотипом «Молодой черноземец». Это, очевидно, диссонировало с развернувшимися в крае заводскими стройками, и название адаптировали в соответствии с индустриальным веянием времени. С каждым годом газета становится все популярнее. Она приходит в трудовые коллективы и семьи, выступает инициатором многих комсомольско-молодежных дел.

В 1930-х годах в Воронеже издавалась также пионерская газета «Будь готов!»

С началом Великой Отечественной войны 22 июня 1941 года в соответствии с решениями правительства СССР и местных органов власти выпуск молодежных изданий, в том числе и воронежского «Молодого коммунара», был приостановлен.

История «Молодого коммунара» возобновилась с 1 января 1950 года, когда вышел первый послевоенный номер газеты, подписанный Михаилом Домогацких, впоследствии видным журналистом-международником, собкором газеты «Правда».

Каждое поколение журналистов, многие руководители газеты оставили заметный след не только в истории Воронежского комсомола, но и в развитии отечественной журналистики, литературы. Первые послевоенные редакторы «МК» — Михаил Домогацких, Иван Сидельников, Борис Стукалин — стали настоящими вдохновителями молодежи на восстановление Воронежа и края после опустошительной войны с фашистскими захватчиками. Борис Иванович Стукалин спустя годы возглавлял Госкомиздат СССР, работал дипломатом.

Редакторы «золотого века» «МК» — Михаил Шишлянников, Евгений Дубровин, Виктор Чекиров — по праву считались «конструкторами» большеформатной газеты (А-2): таких «молодежек» в стране тогда было всего несколько — в Москве, Ленинграде, Свердловске, в ряде союзных республик. В 1971 году Евгений Пантелеевич Дубровин был переведен в Москву, в редакцию всесоюзного сатирического журнала «Крокодил», и вскоре стал его главным редактором.

В 1970–1980-х годах, с редакторством Валерия Барабашова, Пятерима Варфоломеева, Виталия Жихарева, Владимира Новохатского, Ивана Шёлокова, наступают времена наивысшей популярности «МК», когда тираж газеты достигал 150–170 тысяч экземпляров. И сегодня с этих страниц по-особому зримо предстает история воронежской комсомольки, время созидания и творчества молодых, шефства над ударными комсомольскими стройками, расцвет студенческих строительных отрядов, молодежных фестивалей. За освещение работы по закреплению молодежи на селе в публикациях под рубрикой «Земля отцов — твоя земля» газета «Молодой коммунара» была награждена Почетной грамотой Верховного Совета РСФСР.

Владимир Колобов, Дмитрий Нечаев, Валерий Мальцев и другие возглавляли редакцию «МК» в пору кардинальных общественно-экономических сдвигов в стране.

К сожалению, довоенная история газеты оставила мало документальных свидетельств и реликвий. Практически все, что было в Воронеже, уничтожено в пожарах Великой Отечественной войны. Некоторые разрозненные подшивки «МК» можно обнаружить в Российской государственной библиотеке в Москве, в личных архивах. Лишь отчасти этот пробел восполнили сборники воспоминаний, которые «младокommунаровцы» подготовили к 80-летию и 90-летию газеты. По воспоминаниям журналистов и главных редакторов «МК» подготовлена и настоящая публикация. Ведь более всего значение и настоящий размах истории можно ощутить как раз из рассказов ее непосредственных творцов.

ВОЖДЬ «КРАСНОЙ МОЛОДЕЖИ»

Первый раз Коля Стальский, хотя нет, Коля Жаворонков — такова его настоящая фамилия, казавшаяся ему, пятнадцатилетнему пареньку, слишком обыденной, а потому он выбрал звучный псевдоним, — появился в редакции «Воронежской коммуны» сразу после освобождения Воронежа от Шкуро в 1919 году. Худосочный, долговязый гимназист заявился к Августу Явичу со своими стихами. «Пресекающимся от волнения голосом, заикаясь после пережитых потрясений, Коля Жаворонков читал свои наивные, детские стихи, — рассказывал Август Явич, — полные гнева и скорби, смысл которых я и сейчас могу передать двумя словами: не забыть и не простить».

С того самого момента и на всю оставшуюся жизнь — как бы она их ни разводила — Стальский и Явич станут друзьями.

А к восемнадцати годам он многое пережил. Родился в Харькове, жил и учился в Воронеже. Отец — врач, но рано ушел из семьи. Мать устроилась машинисткой в уездную земскую управу, на ее скудное жалованье кое-как и перебивались. Ей удалось выхлопотать стипендию для сына, на которую он и учился в гимназии.

Осенью девятнадцатого года в Воронеж пригнали на ремонт бронепоезд «Гром». Изрядно покалеченная в сражениях с беляками под станцией Касторная мощная машина все равно не потеряла свою величественность. Шестнадцатилетний Коля Стальский разыскал прикомандированного матроса Ивана Макарова, который к тому же являлся комиссаром бронепоезда, и без лишних предисловий напросился добровольцем.

— А сколько тебе лет, хлопец? — подозрительно спросил комиссар. — Уж больше ты молод.

— Восемнадцатый идет, — не моргнув глазом соврал Коля.

— А грамоту знаешь? Пишешь без ошибок?

— Обижаете, товарищ комиссар. Гимназию закончил. — Этим и взял Стальский комиссара Ивана Макарова.

— Ладно, будешь газеты доставлять, политинформации среди красноармейцев проводить... В общем, по политической части.

«Борьба с бандитами была нелегкая, требовала усилий и жертв, — вспоминал Николай Стальский. — Целая бригада армии, в штабе которой я служил, была послана, чтобы разогнать самую крупную банду. Мне часто приходилось дежурить по штабу армии и поддерживать связь с полевыми войсками, действующими против бандитов... Я стучал подковами солдатских сапог по длинным коридорам, ведшим из одного кабинета в другой, ночевал на сдвинутых креслах в комнате оперативного управления, «поднимал» карту фронтов в комнате, которая называлась «секретной». Я нес службу, выполнял свои обязанности, и во мне крепло сознание важности дела, в котором участвуем все мы...»

Демобилизовавшись, он пришел работать в «Воронежскую коммуну», в которой выпускали страничку «Красная молодежь». Благодаря Стальскому она стала прообразом будущей молодежной газеты. Вскоре он получил задание готовиться к тому, чтобы возглавить самостоятельное молодежное издание.

«Комсомолец» увидел свет 3 декабря 1922 года. В письме к Августу Явичу Стальский сообщал: «Газета была мизерной, подслеповатые буквы вопили о том, как было нам трудно расставить их по местам. Но она вышла в назначенный день... Мы ринулись в атаку на экономическую разруху с таким же пылом, с каким бросались на белых. В газету густо пошел рабкор, на заводах и фабриках мы искали и находили людей, готовых помочь советской печати. Днем мы работали в редакции, ночью — писали».

Пройдя через многие и многие испытания — а в тридцать седьмом Николай

Павлович Стальский был арестован, исключен из партии и приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей, — он, вспоминая годы становления газеты, напишет: «Именно тогда я понял всю нелегкую ответственность профессионального журналиста. Именно тогда я по-настоящему полюбил это дело — когда почувствовал всю его тяжесть, всю его сложность и трудность...»

Из очерка В. СИЛИНА

СТИХИ В ГАЗЕТЕ — ХОРОШО!

Георгий АНТЮХИН,
профессор ВГУ:

— Литературные материалы «Комсомольца» играли большую агитационно-пропагандистскую роль. Они не воспринимались в газете случайным текстом, а были так же необходимы, как и остальные сугубо газетные материалы.

А сами молодые стихотворцы очень хотели знать, как пишут лучшие поэты страны — Маяковский, Жаров, Д. Бедный, пытались наладить с ними живую связь. Так и добились встречи с главным пролетарским трибуном.

Приезд в Воронеж и выступление в местном театре Владимира Маяковского 22 ноября 1926 года стало сенсацией, которая тут же попала в газету.

Владимир Кораблинов, будущий «коммунаровец», вспоминая о выступлении Маяковского, писал:

«— Мы вас не понимаем! — крикнул кто-то из нафталиновых.

— Мы?! — поднял брови Маяковский. — Да много ли вас? Товарищи! Поднимите руку, кто не понял!

Неуверенно поднялось несколько рук.

— Раз, два, четыре... восемь, — подсчитал Маяковский. — Ну что ж, — добродушно улыбнулся он, — процент малограмотности не так уж велик!»

Вечер кончился в полночь. Город уже спал...

Не до сна было лишь молодым воронежским поэтам. После встречи в театре Маяковский обещал зайти к ним на чашку чая, поговорить о поэзии, послушать их стихи. И вот поэты П. Загоровский, В. Кораблинов, Нина Логофет и др. принимают у себя гостя — Владимира Маяковского. Он устал после трудного и долгого выступления в театре и теперь, отдыхая, молча пьет чай.

«Всех нас, — вспоминает Кораблинов, — только что слышавших в театре раскаты его могучего голоса, поразил этот тихий застенчивый Маяковский».

Потом он слушал, как читали свои стихи Владимир Кораблинов, Нина Логофет. В. Маяковский взял их стихи и опубликовал в своем журнале «Новый Лэф».

«Для нас, — утверждал Кораблинов, — Маяковский являлся не просто столичным поэтом-гастролером, нет, для нас он был знаменем, он был нашим богом, нашим солнцем».

В тот вечер Маяковский, узнав, что В. Кораблинов пишет стихи для «Коммуны», «Комсомольца», специально для газеты и печатает их в газете, сказал: «Здорово! Это хорошо, что в газете!»

«Я ВАШ НОВЫЙ РЕДАКТОР»

Осенью 1934 года в редакционном коридоре воронежской молодежной газеты появился высокого роста незнакомый мужчина в очках, собрал коллектив, представился:

— Я — Ягудин, ваш новый редактор, направлен к вам на работу решением ЦК ВЛКСМ.

И кратко — все данные о себе: «1909 года рождения, уроженец города Ново-Зыкова. Член ВКП(б) с 1929 года. По состоянию здоровья в РККА не служил. Есть семья, жена Рахиль Корган и две дочери — Нинель и Зинаида...

Двадцатипятилетний редактор происходил из рабочих. Прибыл он из Донбаса, где возглавлял районную газету. Когда Ягудин пришел в коллектив, все подумали, что он слишком строгий: не улыбался. Но потом оказалось, что это внимательный человек, он умел подмечать все старания и поиски журналистов. Был он начитанным человеком, хотя и со средним образованием. И хорошую работу всегда поощрял, ведь все журналисты небогато жили.

Некоторые поступки редактора имели для него серьезные последствия. За нарушение бюджетной дисциплины, незаконное, как констатирует архивный документ, получение денег из средств издательства самим и допущение выдачи их работникам редакции Ханвану Ягудину был объявлен на бюро обкома ВКП(б) выговор. Что стоит за этим нарушением? Редакторская ошибка, халатность, а может, порыв материально поддержать своих юных и небогатых сотрудников, разъезжающих по селам в поисках молодых стахановцев? Или то и другое вместе?

На заметку тогда принималось все. Времена наступали суровые. Разоблачена и разгромлена банда «трижды презренных врагов народа» Троцкого, Зиновьева, Каменева. Замаскировавшиеся в партии контрреволюционные последыши убили из-за угла любимого всеми С.М. Кирова. Они же готовили покушение на товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича... Указания сверху: «заботиться о всемерном повышении большевистской бдительности», «до конца разоблачать и парализовать деятельность контрреволюционных двурушнических элементов из троцкистско-зиновьевцев и всяких иных белогвардейских последышей».

В середине августа партгруппа редакции воронежской газеты «Молодой коммунар» обсуждала передовые статьи «Правды» — «Уметь распознать врага», «Бдительность на любом участке» и «Презренные двурушники». Выступали все коммунисты, их в редакции — восемь: «Только преступным благодушием, ротозейством, притуплением большевистской бдительности... можно объяснить, что замаскировавшиеся контрреволюционеры, троцкистско-зиновьевские последыши до самого последнего времени оставались в рядах партии и творили свои подлые дела». «Собрание требует от каждого воинственной непримиримости в борьбе с врагами партии и рабочего класса... осуществления на деле революционной бдительности, беспощадной борьбы с примиренчеством и гнилым либерализмом к врагам...»

«А разве не видим мы в коллективе редакции факты притупления классовой бдительности!» — вопрошали на том собрании. Да вот же они, факты. Редактор Ягудин принял на должность ревизионного корректора Браун-Домбровского, прибывшего в Воронеж из КВЖД и являвшегося в свое время редактором меньшевистской газеты. Зная об упаднических настроениях Морозова, которые он излагал в своих стихах и присылал на имя Ягудина, редактор все же рекомендовал его на работу в Задонскую районную газету, а того вскоре разоблачили как троцкиста... А знакомство с такими расценивалось однозначно: пособник врага — сам враг или, по меньшей мере, утративший классовую бдительность.

Кагановичский райком ВКБ(б) вынес Ягудину строгий выговор с предупреждением «за потерю большевистской бдительности в подборе кадров» (вот они, собиравшиеся, факты будущего «дела»).

Вскоре коммунисты редакции вновь проводили собрание. Слушали: информацию о постановлении второго пленума обкома комсомола, «...т. Ягудина за притупление классовой бдительности, проявление гнилого либерализма — с работы редактора снять... Поставить вопрос перед первичной парторганизацией о партийной принадлежности т. Ягудина...»

Правда, журналисты пощадили своего редактора: объявили строгий выговор,

исключать из партии не стали. За окном пока шел 1936 год, и коммунаровцы просто расстались с ним.

Очевидно, Ханвану Александровичу помогли товарищи из ЦК комсомола. Известно, что после Воронежа Х.А. Ягудин работал в Ярославле заместителем редактора газеты «Сталинская смена». Потом он снова оказался в Воронеже: занимал пост редактора международной и союзной информации ОблТАСС. Разумеется, это повышение, и оно говорит не только о журналистском таланте Ягудина, но и его силе воли — не каждый смог бы подняться так быстро после жесткого партийного наказания, снятия с редакторского поста, понижения в должности.

...А в ночь с 23 на 24 марта 1938 года Ягудин был арестован. Обвинение ему предъявили по статьям 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР: участие в правотроцкистской террористической диверсионно-вредительской организации, якобы действовавшей на территории Воронежской области. С такой формулировкой исход был заранее предreshен.

На первом допросе Ханван Александрович все предъявленные ему обвинения, чудовищные и нелепые, отрицал. И на суде виновным себя не признал. Отказался от показаний на предварительном следствии, пояснив, что получены они под физическим воздействием. Тем не менее 22 октября 1938 года Х.А. Ягудин был приговорен к расстрелу. Его посмертная реабилитация наступала дважды. В памятном 1956 году — политическая, а в 90-х — партийная.

Еще одно имя возвращено нам Справедливостью. Теперь наше поколение знает о вас, товарищ редактор.

Из очерка В. НОВИЧИХИНОЙ

НЕЗАБЫВАЕМОЕ ВРЕМЯ

(«МК» интервьюирует своих главных редакторов)

Михаил Георгиевич ДОМОГАЦКИХ

Журналист-международник, автор многих книг, посвященных событиям, которые происходили в «горячих, как говорит он, точках континентов». В 1950 году он выпускал первый послевоенный номер «Коммунар».

Вопрос: Михаил Георгиевич, расскажите, с кем вы начинали?

Ответ: С довоенными корреспондентами «Молодого коммунара» Валентином Ющенко, Николаем Тюриным, Федором Волоховым. Все — недавние фронтовики...

Вопрос: Это, наверное, было очень трудно — выпускать первый номер?

Ответ: Нет, все было обычно: отпечатали на машинке все материалы, нарисовали макеты, отнесли в типографию... Самое сложное для меня как редактора заключалось в другом: найти для газеты, которая еще не вышла, читателей-подписчиков. «Выписывайте «Молодой коммунар»!» — агитировали мы, а «Коммунар» еще был, что называется, в наших чернильницах. Но помогла добрая репутация, которую заслужила газета «Молодой коммунар» еще до того, как началась война...

Вопрос: Вы были ее участником?

Ответ: В ноябре сорок первого уже был ранен. Потом госпиталь. Потом Сталинград... Мне тогда только-только восемнадцать сравнялось.

Корр.: Что вы успели сделать до войны?

Ответ: Окончил десятилетку, поступил в Ленинградский институт журналистики. И все.

Вопрос: Кем вы были на фронте?

Ответ: Я окончил школу десантников. В девятнадцать лет стал лейтенантом, командиром роты подрывников-разведчиков.

Вопрос: Видимо, тогда вам было не до журналистики?

Ответ: Честно говоря, да. Я совсем забыл о том, что когда-то учился в институте и вроде бы подавал какие-то надежды...

Вопрос: Но потом вспомнили?!

Ответ: Кто-то в дивизии вспомнил: «Ты ведь, кажется, на журналиста учился?» — спросили. — «Да, — ответил я, — почти год!» — «Ну и прекрасно! Будешь работать в нашей «дивизионке»...

Вопрос: А после войны?

Ответ: Учился на газетных курсах. Работал в «Коммуне». Редактировал «Молодой коммунар». Затем был отозван на Высшие дипломатические курсы.

Вопрос: Дальнейшая ваша судьба почти всем известна: корреспондент газеты «Правда» в Китае, по странам Африки...

Ответ: Все правильно.

Корр.: Михаил Георгиевич, мы знаем, что вы родом из села, ныне райцентра Добринка Липецкой области. Бываете там?

Ответ: Как же не бывать! Добринка — лучшее место земли. Родился там.

* * *

Борис Иванович СТУКАЛИН

Родился в городе Острогожске Воронежской области. Свою журналистскую деятельность начинал в районной газете. Затем работал в «Коммуне», возглавлял Госкомитет СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, с 1952-го по 1956 год редактировал «Молодой коммунар».

Вопрос: Каким в вашей памяти остался «Молодой коммунар» пятидесятих годов?

Ответ: Коллектив у нас был дружный, веселый. И главное — творческий. Относились мы все друг к другу очень доброжелательно. Мы жили газетой. Я могу о каждом сотруднике редакции тех лет рассказать немало хорошего, о каждом!

Вопрос: Как вы относитесь к изречению: «На журналиста нельзя выучиться, им нужно родиться...»?

Ответ: Доля правды в этом есть, но образование, хорошее, систематическое, для газетного работника необходимо, как воздух. Журналисту вообще надо учиться всю жизнь. Сегодня, допустим, он пишет о враче, завтра — об агрономе, послезавтра берет интервью у физика. Какой материал выйдет из-под пера человека, несведущего в тех или иных вопросах хозяйственной, культурной, политической жизни страны?!

Вопрос: Что бы вы хотели пожелать нынешнему поколению журналистов «Молодого коммунара»?

Ответ: Смелее вторгаться в жизнь, изучать ее. Не бояться дальних и трудных дорог... Я сейчас вспоминаю Острогожск своей молодости. Бывало, позовет секретарь райкома партии: «Езжай в село...». А на чем ехать? Иду домой, мать заворачивает в чистую материю кусок хлеба с солью — больше дома ничего нет. Выхожу за город, снимаю ботинки, вешаю на плечо — и пошел по пыльной дороге. Иной раз и тридцать километров отмеряешь, появившись в селе — от усталости голова кругом. А отдыхать некогда: в клубе тебя ждут. Но сколько интересного, поучительного узнавал я на тех дорогах!

Вопрос: Итак, Борис Иванович, вы считаете, что это стоящее дело — трое суток не спать, трое суток шагать ради нескольких строчек в газете?

Ответ: Если ради хороших строчек — то да.

Михаил Яковлевич ШИШЛЯННИКОВ

Редактировал «Молодой коммунар» с 1959-го по 1966 год. Это время творческого подъема газеты, ее перехода на большой формат. Об этом и рассказывает главный редактор:

— У каждого времени свои песни. В начале 60-х годов одинаково популярны были и песня о черном коте, и раздел юмора и сатиры в молодежной газете «Черный Кот» — древний прародитель здравствующего ныне «Тяни-Толкая». С виду «Черный Кот» был добродушным домашним животным, а по нраву — достойным представителем семейства тигровых. Крепко доставалось от его когтистых лап и острых зубов всяким разгильдяям.

Сейчас, когда я вспоминаю о прошлом, ищу в нем главное, в памяти прежде всего встает переход «Молодого коммунара» с малого на большой формат. День этого события — 16 апреля 1965 года — и мы, работники редакции, и все читатели по праву назвали днем второго рождения газеты. Все, кто был связан в то время с газетой, знают, сколько хлопот и трудностей предшествовало этому событию. Большой формат требовал, прежде всего, значительного увеличения фонда бумаги. А она и тогда была не менее дефицитной, чем сейчас.

После создания материальной базы началась подготовка первых номеров нового формата. Месяца два редакция была похожа на вулкан, извергающий огненную лаву фантазии. Стены наших более чем скромных кабинетов буквально сотрясались от громоподобных возгласов, умопомрачительных идей и сногшибательных предложений. Владик Аникеев денно и ночью разрабатывал свои маршруты к изобретателю лазера академику Басову, на погранзаставу, на Черноморский флот и даже в уссурийскую тайгу. Эмма Худякова нервно покусывала кончик карандаша в творческих муках над 500-строчными статьями на моральные темы. Борис Косаревский самоотверженно выбрасывал десятки макетов, а фотокор Толя Костин так увлеченно пытался обойти Василия Пескова, что в одну из поездок в Графский заповедник забыл свое фоторужье в пригородном поезде. Чтобы судить о требовательности к качеству газеты, о желании видеть ее самой лучшей на свете, достаточно сказать, что только одно клише ее названия переделывалось до 20 раз. Особенно много выдумки проявлял Женья Дубровин. Так уж как-то получилось, что, несмотря на главную противоположность увлечений (Женья — юморист, я — лирик), в остальном наши житейские дороги были или строго параллельными, или взаимно пересеченными, и мы с полуслова понимали друг друга. В детстве мы жили в соседних селах, но учились в одной школе, а в редакции имели разные ранги (я — редактор, он — заместитель), но сидели в силу извечной нехватки всяких площадей в одном рабочем кабинете.

В результате общих усилий и бессонных ночей, как нам тогда казалось, первый номер газеты большого формата получился на славу. Даже через несколько лет при уходе кого-то из редакции лучшим памятным сувениром был именно этот номер с автографами всех сотрудников редакции.

Отрадно сознавать, что комсомольский задор, постоянные творческие поиски коллектива редакции тех лет давали хорошие плоды. Быстро рос авторитет газеты, повышалась ее действенность. Помимо многих деловых рубрик и разделов, живой отклик у читателей находили такие страницы и подборки, как «Гренада», «Alma mater», «Роза ветров», «Хочу все знать», «Мир увлеченных», «Вечерний Воронеж», «Кладовая мудрости», «Будь здоров» и другие.

Наиболее точным выражением популярности любого печатного издания является его тираж. Уже на следующий год после перехода на большой формат тираж «Молодого коммунара» с 25 тысяч экземпляров возрос до 50 тысяч, а затем превысил 100 тысяч. Как говорится, комментарии излишни.

Евгений Пантелеевич ДУБРОВИН

С 1967-го по 1971 год по утрам в свой кабинет с табличкой «Редактор» заходил Евгений Пантелеевич Дубровин.

Вопрос: Евгений Пантелеевич, из «Молодого коммунара» вы ушли в «Крокодил» на должность заведующего отделом. Что изменилось в вашей жизни?

Ответ: Разумеется, «Крокодил» — это иные масштабы, иной взгляд на окружающую действительность, иная даже организация редакционного труда. И все-таки я не чувствовал себя, как говорится, «не в своей тарелке». Творческая обстановка «Молодого коммунара», можно даже сказать, школа «Молодого коммунара», стремление к журналистскому поиску, к оригинальной подаче любого материала, начиная от крошечной заметки о политпросе и кончая целевым номером, очень пригодилась мне и в «Крокодиле», где сама специфика издания требует от каждого журналиста высокого профессионального уровня, вечного недовольства собой, желания каждый новый материал сделать лучше прежнего, подняться на новую ступеньку мастерства...

Вопрос: Вы являетесь автором таких книг, как «Грибы на асфальте», «В ожидании козы», «Билет на балкон» и других, вышедших в Центрально-Черноземном издательстве. О популярности ваших произведений говорит хотя бы тот факт, что их нынче уже не найдешь в воронежских книжных магазинах. Скажите, а сейчас журналист Дубровин не мешает работать писателю Дубровину?

Ответ: Нет, не мешает. Мы стараемся ладить друг с другом.

Вопрос: В таком случае, если не секрет, о чем будет ваша следующая книга?

Ответ: Хочу написать о наших молодых современниках и современницах...

Вопрос: Будете стараться, чтобы книга получилась такой же веселой, как «Грибы на асфальте»?

Ответ: Вообще-то я никогда не ставил своей целью рассмешить читателя. В жизни ведь всего хватает — и смешного, и грустного, и поэтому писателю, наверное, не нужно видеть что-то одно. На мой взгляд, самый интересный, самый правдивый жанр — это трагикомедия...

Вопрос: Получаете ли вы нашу газету?

Ответ: Обязательно.

Вопрос: Что в ней вам нравится?

Ответ: Бывают неплохие очерки, фельетоны... Хорошо, что регулярно выходит «Тяни-Толкай». Нравятся рубрики «Званный гость», «Земля отцов — твоя земля» и ряд других.

Вопрос: Какой номер газеты, на ваш взгляд, можно считать идеальным?

Ответ: Номер, в котором присутствуют все жанры: очерк, репортаж, фельетон...

Вопрос: Фельетон в каждом номере?

Ответ: Это, разумеется, трудно, но к этому надо стремиться. Фельетон — один из самых боевых газетных жанров. Хороша та газета, сотрудники которой живут и работают под девизом: «Ни дня без фельетона!».

Вопрос: Как вы считаете, имеет ли фельетонист право на вымысел?

Ответ: Имеет, но в определенных пределах.

Вопрос: В каких именно — на этот вопрос ответить, видимо, трудно?

Ответ: Сатирик, работающий в газете, должен свято придерживаться одного правила: все, что касается конкретных лиц, подвергаемых критике, должно быть правдой и только правдой. Ну, а остальное — дело воображения, таланта, остро-

умия. И еще: автору фельетона самому не стоит, пожалуй, возмущаться, метать громы и молнии. Постарайся написать так, чтобы твоя вещь была не язвительной докладной запиской, а фельетоном, после прочтения которого чувство возмущения, желания добиться справедливости возникло у твоих читателей...

«Молодой коммунар»,
5 мая 1975 г.

«Я ПОЧУВСТВОВАЛ — ЭТО МОЕ ДЕЛО»

Василий ПЕСКОВ,

фотокор, заведующий отделом «МК» (1953–1956):

— Однажды в вагоне пригородной электрички я случайно рассыпал папку со снимками. Сидевший напротив меня человек попросил посмотреть. Два снимка он отложил: «Покажите это в газете...» Назвал фамилию, кому показать.

Любопытное дело. В школе я несколько лет выпускал стенные газеты, два раза посылал заметки в областную газету и «Комсомольскую правду». Их напечатали. Но никогда не приходило в голову, что в газете можно работать. Я думал, что газету делают какие-то особые люди.

В редакции сидел с виду обычный парень, взъерошенный и усталый. Он ел из жестяной банки овощную икру, одновременно говорил по телефону и проглядывал какие-то бумаги. Мои снимки он быстро перекидал, как карты, сказал: «Это пойдет... Это тоже пойдет, хотя, впрочем, грибы... Черт их знает! Покажем шефу. Он у нас ничего мужик... Ну, заходи, старик...»

Я ушел из редакции озадаченный.

Все потом было, как рассказывал Чапек. Снимки напечатали и попросили принести что-нибудь еще. Я принес. К одному из снимков пришлось сочинить длинное пояснение. Неожиданно заинтересовались именно пояснением и попросили что-нибудь написать.

Что же написать? Хватило сообразительности не пойти на завод или в какое-нибудь другое малознакомое для меня место. Написать решил о том, что любил и немножко знал. В редакцию принес пестрое сочинение о пчелах, лягушках, подснежниках, о первых птицах, о бобрах и оленях. Все это называлось «Апрель в лесу».

На другой день утром по обыкновению я купил на вокзале газеты и, развернув «Молодой коммунар», остолбенел. Сверху третьей страницы чернели буквы: «Апрель в лесу». Внизу стояла моя фамилия. По тексту — маленькие рисунки: зайчата, олени, бобры. Все это зверье вперемешку с буквами у меня перед глазами запрыгало и заплясало от радости...

В тот же день в редакционном коридоре я повстречался с высоким человеком в золотых очках.

— А, Песков? Зайди-ка.

Он долго обо всем понемногу расспрашивал и вдруг сказал:

— Ты не хотел бы у нас работать?

С этим человеком мы сейчас в Москве работаем в одном доме. Он на четвертом, а я на шестом этаже. Нынешний (в 1967 г. — прим. В.Н.) заместитель главного редактора «Правды» Борис Иванович Стукалин был в «Молодом коммунаре» тем самым «шефом», который «ничего мужик».

В тот первый разговор я выложил все свои минусы и сомнения: «всего только десятилетка», «жизни не знаю».

— Ну, попробуем, — сказал Борис Иванович.

Он вызвал уже знакомого мне взъерошенного парня и попросил выписать удостоверение. Так с апреля 1953 года я стал журналистом.

В первый же день работы в редакции я почувствовал: это — мое дело. Работа так нравилась, что воскресенье, когда редакция закрывалась, было для меня любимым днем.

Родители отнеслись к новой работе сына с выжидательным подозрением. Отец и мать у меня в прошлом крестьяне. Копейка им давалась с большим трудом. Когда я принес получку, родители ночью долго шептались: честно ли заработал? Признаться, я и сам удивлялся вначале: столько удовольствия и еще деньги. Работа казалась легкой и радостной. Теперь-то знаешь: журналист и копейки лишней не получает за свой труд, едва ли не самый тяжкий из всех трудов. Но с возрастом видишь и другое: есть в нашей профессии что-то такое, за что без колебаний платим здоровьем, молодостью... Размышляя о всех потерях, все-таки с благодарностью вспоминаешь тот день, когда определилась твоя судьба...

Газета наша была невелика, но старались мы очень. Мы яростно боролись за пуск новой трамвайной линии в городе (и линия была-таки пущена), мы шефствовали над стройкой завода силикатного кирпича, провожали добровольцев в деревню, провожали воронежские поезда на целину. Были у нас в газете горячие диспуты о счастье. Но, конечно, черноземная область не могла обойтись без нашей помощи в сельских делах. Самозабвенно, поэтично и много мы писали, например, о торфоперегнойных горшочках. Статьи, а то и целые полосы посвящали этому немудрящему брикету из навоза и торфа. В редакцию ходили изобретатели станков и агрегатов для производства горшочков. Мы печатали чертежи и проекты. Один талантливый самоучка принес, помню, аппарат, очень похожий на жестянку, из какой раньше продавали мороженое. Изобретатель пояснял: «Кладем в формочку торф и навоз, нажимаем снизу, и вот — горшочек». Мы не сдержались, захотали. Изобретатель ушел обескураженный.

Мы пели частушку:

Ох, перегнойные горшочки,
Ох, переели все кишочки...

В апреле 1956 года я написал очерк о трогательной и драматической истории в Воронежском заповеднике: мальчишка-школьник, рискуя жизнью, спасал во время зимней бескормицы и пурги оленей. С благословения Стукалина послал очерк в «Комсомольскую правду». Очерк был напечатан через неделю... Потом меня вызвали в Москву... Все закончилось тем, что главный редактор «Комсомолки» Дмитрий Петрович Горюнов пожал мне руку: «Ну, давай работай...» Начиналась совсем другая жизнь.

КАК МЫ ПОДНИМАЛИ ТИРАЖ

Владимир ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ,
заведующий отделом «МК» (1961–1966):

— С подпиской на газету дело у нас тогда шло туго. А жизнь, между прочим, подсказывала столько забойных, столько животрепещущих тем, которые при нашем тогдашнем журналистском потенциале могли бы завидно поднять интерес к газете!

Бывший фронтовой разведчик из отдела комсомольской жизни Саня Гаманюк вспоминал тут Васю Пескова, с которым ему пришлось как-то порыбалить под Рамонью. Но рыбалка Васю интересовала постольку-поскольку: своим фотоаппаратом ему хотелось заснять и трудягу-муравья, тянущего в свой муравейник былинку, чуть ли не в десять раз превосходящую по величине самого трудягу, и расцветшую белую лилию на воде, на которую присела отдохнуть золотая пчелка, и

отпечатки на мокром песке следов лося, приходившего на зоревый водопой, и многое другое, связанное с красотой. Все это и позволило Васе открыть в «Молодому коммунаре» «Уголок природы», сразу же нашедший у читателей благодарный отклик.

Но недолго украшали коммунаровские страницы песковские снимки и заметки о лосях, пасаках, муравейниках, о случайных и неслучайных лесных встречах. После одного очерка о трогательной и драматической истории (мальчишка-школьник, рискуя жизнью, спасал во время бескормицы и пурги погибавших оленей) Василия Пескова забрали в «Комсомольскую правду», и некому стало больше подпитывать тот «Уголок природы»...

А мы все продолжали мечтать о высоком тираже. При всем нашем старании нововведенные рубрики — про «коммунизм», «чашу изобилия», про «трудности, которые не страшны», на пути к заветной цели — никак не хотели работать по-настоящему.

И вот как-то на планерке, задорно тряхнув своим пшеничным чубом, редактор Шишлятников предложил вспомнить о своей диковинной фантазии и двинуться на непримиримую борьбу с нарушениями и предрассудками:

— В общем, даю вам, ребята, задание — через неделю сотворить мне настоящую детективную историю, где сражение за наши идеалы свяжется с захватывающим сюжетом.

Этот сюжет мы целых три вечера прокручивали в своих головах, плотно закрывшись в кабинете Володи Гусева. Заведующий отделом физкультуры и спорта, Владик Аникеев, выдвинул в качестве заглавного героя нашего будущего детектива старшего оперуполномоченного Степана Скворцова. Света Филюшкина, занимавшаяся проблемами учащейся молодежи, высказала мысль, что неплохо бы включить в детектив персонажи комсомольцев-старшекласников. Саша Штанько предложил для интриги объединить этих ребят в подпольный штаб, который станет выводить на чистую воду злостных носителей пережитков прошлого.

Словом, составилась у нас сногшибательный сюжет. Володя Гусев все это тут же разбил по главам, которых, в конечном счете, образовалось двадцать восемь.

— Ой! — спохватилась Эмма Худякова. — А как мы наш детектив назовем?

— Вот так и назовем: ШБСП! — азартно шлепнул ладонью по столу редактор. — Эта аббревиатура будет у нас означать — «Штаб борьбы с пережитками».

На этом варианте мы и остановились.

Начальные главы будущего детектива выпало по жребию писать мне. Не мудрствуя лукаво, я назвал их просто: «Степан Трофимович размышляет». К размышлению оперуполномоченного Скворцова побудили возмущенные заявления и телефонные звонки морально пострадавших граждан. Первым из них оказался ответственный работник Отдела социального обеспечения Федот Карпович Крысов. В трамвае № 5 неизвестным лицом к спине его нового драпового пальто была наклеена оскорбительная бумажка: «ЭТО — БЮРОКРАТ И ВОЛОКИТЧИК. НЕ ХОДИТЕ К НЕМУ НА ПРИЕМ! ШБСП».

Подобную бумажку обнаружил на дверях своего кабинета заместитель председателя райисполкома тов. Толкунчиков: «НЫНЧЕ ПРИЕМА НЕТ. БОЛЕЮ». А чуть пониже — красными буквами следовала приписка: «Болеет на стадионе «Труд». ШБСП». А через неделю тот же Толкунчиков обнаружил на дверях новое: «ТОВАРИЩ ТОЛКУНЧИКОВ, ВЫ ОПЯТЬ БОЛЕЕТЕ. НО НЕ ЗА ДЕЛО! ШБСП».

Попал на заметку этого ШБСП и гражданин в коротких узких брючках и зеленой шляпе Алик Волдырев. Был этот стилига знаменит в городе тем, что чуждался общеплезного труда и отнюдь не чуждался доверчивых дамских сердец. Пройдохой был, короче говоря...

С декабря 1961 года по февраль 1962 года из номера в номер печатался наш детектив под коллективным псевдонимом А. Березин. Броско, с выдумкой иллюстрировал нашу повесть редакционный художник Юра Рачинский. Внимание большого города, а потом и села было приковано к газете.

Самое примечательное в этой истории то, что в редакцию валом повалили отклики. Вот так, мол, надо бичевать и воспитывать этих носителей пережитков прошлого!

Сияющая учетчица писем Анастасия Ивановна Погорелова вываливала из бумажного мешка перед редактором поступившие за истекший день письма и открытки. Тираж «Молодого коммунара» на 1962 год по сравнению с годом предшествующим поднялся более чем в полтора раза. А мы сделали вывод: чтобы были довольны твои читатели, не будь слишком доволен собой.

Наша коммунаровская школа была в том, что нужно любить то, что делаешь, и тогда работа возвышается до творчества.

И БУДТО СНОВА — КОМАНДИРОВКА

Виктор БУДАКОВ,

корреспондент, заведующий отделом «МК» (1965–1969):

— Журналистская коммунаровская жизнь — это частые командировки. Я побывал во многих достопримечательных уголках края, знаменитых «культурных гнездах»; да и просто выдавались командировки неожиданно содержательные, весело или грустно памятные.

Поездка в Нововоронеж помнится до сих пор. Нововоронежская атомная станция была тогда на особицу: первая промышленная в стране, крупнейшая на евразийском континенте, и столичные, и местные журналисты устремились туда, как на диковинку. В апреле 1966 года выехала туда и коммунаровская бригада — замредактора, писатель-сатирик Евгений Дубровин, фотокорреспондент Анатолий Костин, журналисты Виктор Кожин и я. Встретились с первыми лицами, с рабочими, побывали на главном пульте, спустились и к реактору. Все бы ничего, но тут наши сопровождающие в шутку-всерьез стали уверять нас, что застраховаться от тающего незримую опасность реактора можно рюмкой-другой водки. Тут и повар местной столовой подоспел — оказался большой дока, он вроде бы в войну был главным кашеваром у маршала Жукова; балагуристый, похватистый, он нам и приготовил отменную, из донского сазана уху, и под нее питье так хорошо пошло, что мы словно забыли, зачем сюда приехали. Назад добирались — как с поля брани, как после изнурительного боя. Собранный нами материал составил специальный номер «Молодого коммунара», который — горько-удивительно! — вышел месяц в месяц за двадцать лет до чернобыльской атомной катастрофы...

Командировки следовали чередой: во всякую погоду, повсюду, без долгих сборов, с ходу, бегом!..

Но иногда выпадали благословенные часы, когда номер раньше срока бывал подготовлен, и нам никуда не надо было торопиться, разве что в «Улыбку» — на стакан холодного сухого вина. Тогда мы собирались в редакционном «штабе» — кабинете ответственного секретаря, поэта Станислава Никулина, где был приставлен еще и стол художника Юрия Зиброва, и заваленный бумагами, газетами, фотоснимками кабинет был явно тесен. Но нам не было тесно...

«Молодой коммунар» потом обрел другое пристанище, другая жизнь и другой режим в стране, другие люди работали в газете и другие забредали туда. Но не было уже тех счастливых минут, когда, случалось, в один день в редакционном

коридоре раздавались голоса Прасолова, Жигулина, Гордейчева, впервые звучали теперь ставшие хрестоматийными стихи.

Наступил час, и мы поочередно стали уходить кто куда, жизнь разбросала нас. Но, встречаясь, по-прежнему чувствуем себя младокоммунарочками. Временами, наверное, многим из нас кажется, что мы все еще в тех командировках...

* * *

В октябре 1997 года из Москвы пришла на мое имя бандероль с ранними стихами поэта Алексея Прасолова и сопроводительным письмом, в котором Борис Иванович Стукалин, бывший союзный министр печати, а в молодые годы редактор воронежских газет «Молодой коммунар» и «Коммуна», отвечал на мою просьбу рассказать о ранних опытах поэта.

«В 1949 году я был переведен на работу в росошанскую районную газету. Однажды (это было, кажется, осенью того же года) меня пригласили на встречу с учащимися педагогического училища. Не помню, как называлась моя лекция. Речь шла о юбилее какого-то писателя.

Аудитория оказалась любознательной. Вопросам не было конца. Даже после того, как истекло время, отведенное для лекции, я продолжал «отбиваться» от наиболее активных слушателей. Среди них был невысокого роста худощавый паренек с нездорово-бледным лицом. Он стоял молча и, видимо, ждал подходящего момента, чтобы обратиться ко мне. Когда такой момент наступил, я услышал негромкий глуховатый голос:

— Вот мои стихи, посмотрите и оцените. Моя фамилия — Прасолов. Алексей Прасолов.

В руках у него была тоненькая ученическая тетрадь. Я пообещал внимательно ознакомиться с рукописью и высказать свое мнение.

Как только выдался свободный час, раскрыл прасоловскую тетрадь. Стихи были довольно слабыми, ученическими, навеянными скорее атмосферой того времени, газетной публицистикой, чем собственными наблюдениями, потребностью сказать свое слово о происходящем вокруг.

Но встречались и вполне оригинальные строки, свежие образы, словесные находки. Чувствовалась склонность к обобщениям, что потом стало столь характерным для позднего Прасолова.

Я пригласил молодого поэта для обстоятельного разговора в редакцию. Как мог, убеждал его, что он может «петь» своим голосом, разрабатывать свои темы и притом по-своему, без подражательства кому бы то ни было. Предложил Алексею сотрудничество в газете.

С того времени мы встречались довольно часто, иногда засиживались до позднего часа в разговорах о поэзии, писательском мастерстве, долге литератора перед обществом и т. п. Каждое новое стихотворение Прасолова тщательно разбиралось в этих беседах. Его тянуло к философской лирике тютчевского толка, к постижению сокровенных глубин человеческого бытия.

Некоторые из них отбирались для опубликования...

Когда спустя три года после знакомства с Прасоловым я переехал в Воронеж, став редактором «Молодого коммунара», то сразу же пригласил его работать в редакцию. Должности литературного сотрудника свободной не оказалось, поэтому Алексея для начала зачислили корректором. Он некоторое время корпел над газетными гранками, выполняя довольно изнурительные при его нездоровье обязанности. В литературную среду областного центра входил трудно. Долгое время держался особняком.

В те годы я работал над первым сборником стихов и прозы Василия Кубане-

ва. Шли напряженные поиски, казалось, полностью погибших рукописей. Алексей был в курсе моих усилий и с искренней радостью, прямо-таки с восторгом воспринимал каждую новую находку, старался поддержать меня. Упомяну об этом потому, что в его письмах ко мне часто затрагивалась кубаневская тема.

Позже, когда Прасолов, не найдя своего места в Воронеже, разочаровался в нравах, царивших тогда в литературной среде, покинул город, наша переписка возобновилась. Очень жалею, что не сохранил письма Прасолова, стихи и вырезки из газет, в которых он работал. Это уже был иной Прасолов, много испытавший и переживший...»

* * *

Как рождался роман «Жизнь Кольцова» В. Кораблинова, который работал тогда в «МК»? Тайны творчества необъяснимы. Вот запись воспоминаний Владимира Александровича в одной из моих тетрадок, примечательный эпизод из жизни писателя:

«В пятьдесят четвертом я сломал по крепкой выпивке ногу, лежал три месяца и за эти месяцы написал первую часть романа, затем под осень в отпуск уехал в Рамонь и написал еще одну часть. Весной пятьдесят пятого ответственный секретарь «Молодого коммунара» Валентин Ющенко уезжал в Москву на журналистское союзное совещание, и я отдал ему папку с двумя частями. Через неделю из столицы — телеграмма от Ющенко: «Вышли данные о себе. Издательство желает заключить договор». Вскоре «Молодая гвардия» прислала договор на 20 листов. А у меня всего 15 — нет последней части. Прошу я у Бориса Ивановича Стукалина отпуск по весне пятьдесят пятого, сажусь за стол в квартире на Клинической, неделю — ни строчки, а потом — как прорвало. Закончил роман, который через год вышел в свет.

А вскоре Борис Иванович, утвержденный главным редактором «Коммуны», и меня пригласил туда. Но работал я там недолго: был принят в писательский союз и ушел на профположение. К слову, при Стукалине в «Коммуне» была напечатана моя повесть «Лесов таинственная сень». Кусков тридцать. С моими рисунками. Рисунки мои часто и в «Коммунаре» появлялись, когда я там работал».

УМНЫЕ СКАЗКИ ДУБРОВИНА

Тамара ДАВЫДЕНКО,

редактор Центрально-Черноземного книжного издательства:

— Однажды Виктор Астафьев мудро сказал: «В России писателю надо жить долго». Со временем понимаешь, как он был прав.

Жене Дубровину не повезло. Он скончался за пять дней до своего пятидесятилетия, в середине августа 1986 года — от сердечного приступа прямо в машине «скорой помощи». Называю его по имени, потому что в воронежских литературных кругах его звали так все, а еще потому, что наше сотрудничество продолжалось ровно двадцать лет.

Дубровин, очевидно, не с молодых ногтей мечтал о писательстве. По стопам отца-агронома он окончил Воронежский сельхозинститут, факультет механизации, но проработал на производстве совсем недолго, потянуло в журналистику, в литературу. Но учеба в СХИ не прошла даром — по воспоминаниям студенческих лет им была написана первая повесть «Грибы на асфальте». Он дал ей точный под-

заголовок «Повесть сатирическая с лирическим уклоном» и посвятил Г.Н. Троепольскому, которого, видимо, считал своим учителем. Так Дубровин сразу определил свое место в литературе: писатель-сатирик, но не только... «Грибы на асфальте» были напечатаны в журнале «Подъём» в 1964 году, имели шумный успех, сразу же были изданы в Москве, а автора незамедлительно приняли в Союз писателей СССР. Заочно он окончил Литературный институт им. Горького и целиком посвятил себя литературе и журналистике в качестве редактора «Молодого коммунара».

Несмотря на яркую манеру письма — искромётный юмор, бьющую в цель сатиру, изобретательную фантазию, — он на поверку был грустным и серьезным прозаиком, знавшим истинную цену тому, чем жило наше советское общество, многое чувствовал, предвидел, оттого и поныне остается для нас современным писателем.

Потом его перевели на работу в Москву, в знаменитый сатирический журнал «Крокодил». Руслан Киреев, коллега Дубровина по журналу, годы спустя, когда Жени не стало, высказал такую мысль: может быть, для Евгения Пантелеевича было бы лучше, если бы он оставался в Воронеже. Здесь его любили, оберегали, а в Москве работа была на износ. Шутка ли: журнал курировал сам могущественный Суслов. Не дай Бог — какая промашка, ошибка в тексте, не та карикатура, недозволенная шутка, анекдот. Место у Дубровина было горячее, чиновничье. А он был Художник.

За очередную, непозволительную с точки зрения ЦК, вольность он был снят с поста главного редактора «Крокодила» и назначен редактором только что открывшегося и никому не известного журнала «За трезвость».

Но еще до его кончины, где-то в начале лета того трагического 1986 года, у нас с Женей состоялась последняя встреча. Было воскресенье, я находилась дома, раздался телефонный звонок.

— Это я, Дубровин. Я здесь, в Воронеже, на вокзале — еду к матери в Острогжск. Если можешь, подходи к поезду.

Встретились в привокзальном сквере. Женя был с сыном-подростком. Был грустен, как-то смят. Подумала: неважно себя чувствует. (Тогда я не знала, что он уже не работает в «Крокодиле»). Времени до отхода поезда оставалось еще достаточно. Как это часто бывает, говорили обо всем сразу: о его творческих планах, о делах издательских, о «коммунаровцах», о которых он никогда не забывал, о переменах в стране. Запомнилось, как он сказал, что верит в «перестройку» — к власти придут новые люди, профессионалы, и все пойдет к лучшему. (По мнению тех, кто его близко знал, он вообще не верил в глобальное зло.) Обращаясь к сыну, сказал:

— Вот, Игорек, познакомься, это мой редактор, почти ко всем книгам, что я написал, прикасалась ее рука. И посмотришь, книги твоего отца еще будут изучать в школе.

Он и здесь оказался прав. Не знаю, как сейчас, а в начале нынешнего века повесть «В ожидании козы» была включена в школьные программы по литературе.

Не хочется заканчивать эти заметки на грустной ноте. Да, человек смертен, но дело, которому он служил, созданные им творения остаются надолго.

Счастливы будут издатели, решившие переиздать его произведения, ибо даже на самодельных букинистических развалах книги нашего писателя ценятся порою дороже новеньких, гламурных.

Счастливы будут читатели, впервые открывающие любую из книг Дубровина, ибо они не смогут отложить ее в сторону, не дочитав до последней строчки.

САНЯ — БЕЛЫЙ ЖУРАВЛЬ

Виктор ЧЕКIROB,
главный редактор «МК» (1971–1974)

(Из дневника члена Союза журналистов СССР, России, члена Союза военных писателей Б.А. Михайловского).

20 июля 1970 г.

Страшное своей неотвратимостью сообщение в «Молодом коммунаре» о трагической гибели Саши Долманова.

Мы с ним были однокурсники, товарищи. Всего несколько дней назад, успешно сдав летнюю сессию, закончили второй курс заочного отделения журналистики Воронежского государственного университета...

24 июля 1970 г.

Я медленно поднимаюсь на пятый этаж Дома книги, в редакцию «Молодого коммунара».

Яркий солнечный день. А перед глазами — как живое, но в черной траурной рамке, лицо Саши Долманова. Открываю дверь кабинета Эммы Худяковой, но ее нет. Мимо проходит сотрудница отдела писем и говорит, что Худякова — в отпуске. Тогда я называю себя и, извинившись, прошу рассказать о гибели Сани.

Заходим в пустой кабинет. Девушка начинает говорить, но слезы, невольно хлынувшие из глаз, на несколько минут прерывают ее рассказ.

— Уже не вы первый, Борис, извините меня, но все так нелепо, а газета не оставляет времени даже для слез, нужно готовить очередной номер... Завтра как раз пойдет тот фоторепортаж Саши... последний... из Острогожского района. Снимки такие светлые и чистые... а его уже нет...

Он сделал репортаж и попросил шофера, молодого совсем парня, подвезти его, чтоб не ждать рейсового автобуса. Он хотел быстрее сдать материал в номер...

Там есть крутой поворот. Шофер уже проскочил его, когда из-под уклона выдвинулась встречная машина. Он свернул, чтоб не врезаться в нее, к самому кювету, но в последний момент вместо тормоза нажал педаль газа. Машина рванулась вперед, рухнула вниз и перевернулась. Саша еще был жив. Его доставили в воронежскую больницу. На следующий день он даже почувствовал себя лучше. Даже встал с больничной койки. И тут кровоизлияние... Это ужасно. Я сама звонила, разговаривала с ним, он обещал долго не задерживать на себе внимание больничного персонала.

Похороны... Мать чуть не бросилась в могилу...

На редколлегии решили организовать фотоконкурс имени Саши... А его уже нет и не будет...

Плечи сотрудницы снова сотрясает судорога рыданий. Мы прощаемся. Я благодарю ее и медленно спускаюсь с пятого этажа.

Яркий солнечный день. И перед глазами — живое, но в черной траурной рамке, лицо Саши Долманова...

* * *

...Кадры мирной борьбы за хлеб. Мы стали ближе к хлебу, вкусив от трудов за него...

Твой последний репортаж, Саня, мы дали в номер.

Потом его дал журнал «Советское фото». «Последний репортаж Саши Долманова». Снимки получились отличные.

* * *

Сани уже не было, а газета давала его снимки.

Люди смотрели их, смотрели на знакомую фамилию в черной рамке и становились друг к другу добрее. И мудрее.

Сани уже не было, а на областной фотовыставке работали его снимки.

Люди смотрели их — и становились добрее. И мудрее.

Сани уже не было, но его работы на выставке получили премию и диплом.

Сани уже не было, но обаяние его мальчишеского облика продолжает излучаться на нас — как свет далекой звезды.

И мы становимся добрее. И мудрее.

* * *

Запомнилось, как мать его рассказывала, что Саня, забежав на минутку домой, любил наспех ложками есть вишневое варенье.

Мальчик.

А в редакции старался держаться солидно. Не всегда это у него получалось. Далеко не всегда.

* * *

Он был хорошим человеком и журналистом.

Потом он улетел Белым Журавлем.

Теперь в каждом журавле мы будем вспоминать и видеть его.

Мы будем встречать его каждую весну и провожать каждую осень...

БЕЗ ИДЕИ НЕ ВХОДИТЬ!

Пятерим ВАРФОЛОМЕЕВ,

главный редактор «МК» (1975–1980):

— С тех пор, как мне довелось, а, точнее сказать, посчастливилось редактировать «Молодой коммунар», минули десятилетия, но и сейчас иногда остановишься в бурном потоке нынешних будней, оглянешься, и четко-четко всплывают в памяти те далекие и прекрасные времена.

«МК» второй половины 70-х — это добротный сплоченный коллектив 32-х талантливых единомышленников, которые делали газету, выходящую, бывало, тиражом 165 тысяч экземпляров. Журнал ЦК ВЛКСМ «Юношеская печать» ежегодно публиковал итоговые данные о подписке. Так вот, наш родной «Коммунар» занимал тогда 2-е место, уступая лишь ленинградской «Смене». И это, представьте, из 131 молодежки Советского Союза. С уверенностью могу сказать, что можно было бы уйти и за 200 тысяч, но под флагом «дефицита с бумагой» областные чиновники сдерживали подписку на «МК», который по популярности наступал на пятки главной газете области — «Коммуне», чем, ясное дело, вызывал недовольство у ее тогдашнего редактора Владимира Евтушенко. Владимир Яковлевич, имея возможность ежедневно посещать кабинеты секретарей обкома КПСС, нет-нет да и высказывал критические замечания в адрес «МК». Порой, чего греха таить, незаслуженные. Пришла однажды расплата и за наши тиражные успехи.

В тот раз с подачи конкурирующего главреда «Коммуны» наш «МК» был удостоен «чести» в течение многих минут быть битым устами тогдашнего секретаря обкома партии по идеологии С.В. Митрошина. А дело обстояло так. Корреспон-

дент «Коммуны» Олег Шевченко написал прелюбопытнейший очерк об одном кочегаре ТЭЦ, который, имея всего-навсего четыре класса образования, много лет потратил на то, чтобы опровергнуть один из законов физики. И однажды кочегару показалось, что ему удалось добиться своего. Со всеми расчетами и выкладками он заявился в «Коммуну».

Олег Шевченко, написав о нем очерк, помчался в кабинет Евтушенко, окрыленный тем, что откопал интересного героя. Но Владимир Яковлевич категорично отверг материал: «Не пойдет!» Спустя несколько дней Шевченко пришел ко мне в «Коммунар» и положил стопку страниц на стол: «Чтобы тебя не подводить, скажу по-честному: Евтушенко этот очерк завернул. Ну, а ты — смотри сам...»

Я раз десять перечитывал сагу о кочегаре. Сомнения, разумеется, были, но, как пел незабвенный Высоцкий, «застучали мне мысли под темечком». Решил, что Воронеж — город творческий, дескать, может опровергать даже аксиомы. Напечатали. И на ближайшем партийном пленуме с повесткой дня, далекой от вопросов идеологии, секретарь Митрошин долго «топтался» на «Коммунаре», чем породил крайнее недоумение у видавшей виды партноменклатуры. В перерыве мне случайно довелось услышать: «Странно все это. Мы чего сюда съехались, обсуждать партийные дела или послушать обзор молодежной газеты?..»

Но, как бы там ни было, а тот номер «МК» с очерком о кочегаре был воспринят читателями «на ура!» Газета, и так без остатка расхोdivшаяся из киосков «Союзпечати», в тот день пользовалась повышенным спросом. В моем кабинете несколько дней не смолкал телефон: «Напечатайте еще раз о том интересном кочегаре. Отзвонье слышал, а вот газету найти не удалось...»

Конечно, газета была популярной, потому что на первое место наши журналисты ставили интересы читателя и «читабельность» материалов. Не случайно на двери моего редакторского кабинета красовалась табличка «Без идеи не входить!»

КАК ЦК ОТРЕМОНТИРОВАЛ «МК»

Виталий ЖИХАРЕВ,
главный редактор «МК» (1980–1982):

— В «Молодой коммунар» я пришел в ноябре 1975-го, а уже месяца через полтора редактор, Пятерим Варфоломеев, ушел в долгожданный отпуск. Пока я кумекал, с чего начать, в кабинет ко мне заглянул Виктор Перегудов, заведующий отделом комсомольской жизни:

— Старик, мы тут жалуемся в ЦК партии!

— На кого? — округлил я глаза по обычаю того времени, когда Бог был на небе, а на земле — «руководящая и направляющая».

— На жизнь нашу сиротскую. Вот копия письма товарищу Сулову. Пока редактора нет, мы с ребятами решили пожаловаться на то, что издательство обкома КПСС вниманием нашу редакцию не балует. «Коммуне» — все, нам — шиши. Редактора в обком вызовут ругать, а у него алиби — был в отпуске. Тебя позовут — скажешь, что еще в курс не вошел, ребята, мол, проявили самостоятельность. Возьми копию на память...

Письмо секретарю ЦК партии было хорошо написанной жалобой бедствующего коллектива молодежной газеты. Писали о том, что издательство обкома КПСС «Коммуна» («МК» как прибыльное тиражное издание относился к партийному ведомству) проблемами молодежной газеты занималось плохо: не было ни транспорта, ни командировочных, помещение редакции обшарпанное донельзя...

И пошла жалоба наверх самому «серому кардиналу».

Через месяц, когда редактор вышел из отпуска, нас — его, меня, ответственно-

го секретаря Станислава Никулина — вызвали в обком, к заведующему финхозотделом Осипову. А дальше все было, как мы и предполагали. Завотделом, как и все партийные боссы на местах, сильно не любил жалоб. Эта была, в сущности, на него: не доглядел, не обеспечил, не проконтролировал. За это его взгрел первый секретарь, накричал по телефону куратор из Управделами ЦК. Он дулся, сопел, еле сдерживая себя.

— Ты, — указал он пальцем на Варфоломеева, — эту жалобу спровоцировал! — и гаркнул: — Много себе позволяете!

— Да что вы, я в отпуске был. Могу справку показать. А то, что в жалобе — это же факт, — спокойно ответил Пятерим.

— Тогда ты! — нацелил теперь на меня свой палец товарищ Осипов. — Знал и не сказал!

— Да что вы, — в тон редактору робко произнес я. — Не в курсе был, только работать начал, еще и с людьми не сошелся как следует...

— Спросить не с кого! — сокрушался завфинхозотделом. — Один в отпуске! Другой не в курсе!..

Он стукнул кулаком по столу, потом выдвинул ящик, сгреб туда бумаги вместе с жалобой, к которой был пришпилен листок с поручением первого секретаря, вытер платком пот со лба.

— Ладно. Теперь давайте по делу...

Через пару недель редакции дали старый «уазик» из гаража обкома КПСС без ставки водителя, пару новых пишущих машинок, покрасили подоконники и двери, отциклевали полы в редакторском кабинете и заменили линолеум в общем коридоре. Завотделом писем Володя Хрипунков, вдыхая запахи ремонта, произнес как бы про себя:

— Лепота-а-а! Кому бы еще на что-нибудь пожаловаться...

Отдельное слово — о так называемом партийном руководстве.

В 1980 году по случаю 800-летия Куликовской битвы мы поместили два материала — о самой этой битве и о Сергии Радонежском. В последнем тексте Эдуард Ефремов, завотделом культуры, посмел подчеркнуть роль православной церкви и самого святителя.

Через три дня меня вызвали в обком. В кабинете заведующего отделом пропаганды и агитации И. Шабанова сидели редактор «Коммуны» В. Евтушенко и человек, занимавший пост уполномоченного по делам религии при облисполкоме. Он зачитал свою жалобу на газету за потакание церковникам, возвеличивание роли «попа» в событиях тех далеких лет. Обвинил меня как редактора, в политической близорукости и потребовал лишить партбилета или, на худой конец, как-то еще примерно наказать.

Я опешил. Прямо-таки растерялся от неожиданности. Подумал: не шутка ли? Оказалось, не шутка.

Жалоба, видимо, была направлена первому секретарю обкома КПСС, а тот поручил разборку И. Шабанову.

— Ну, что будем делать? — спросил всех Шабанов.

Евтушенко, нюхнув щепотку табаку, пошмыгал носом — он баловался тогда нюхательным табачком, спросил Шабанова в свою очередь:

— Не сыграть ли нам, Иван Михайлович, партейку в шахматышки? День-то к концу идет... А по существу скажу, что комиссаров тогда не было. Кто был, тот и благословлял.

— И то верно, — поддержал редактора «Коммуны» Шабанов.

Уполномоченный закипятился, выражая несогласие.

— Будем считать, что жалобу рассмотрели, — отрезал завотделом пропаганды и агитации.

Вечером домой мне позвонил художник Василий Криворучко:

— Слышал, тебя за Сергея Радонежского ругали? Тупицы! Шабанов, говоришь, был? Поддержал? Вот хорошо: Шабанов по такому случаю в обиду не даст.

А ЛУЧШЕГО В ЖИЗНИ И НЕ БЫЛО

Владимир НОВОХАТСКИЙ,
главный редактор «МК» (1983–1987):

— У «Молодого коммунара» всегда был яркий профессиональный бренд. Наши предшественники — редакции Шишлянникова, Дубровина, Чекирова — установили такую творческую планку, что одолеть ее могли только неординарные журналисты. Стать сотрудником «МК» было весьма трудно, но престижно и полезно на всю жизнь. У меня это начиналось со студенческой поры. Замечательно сотрудничал с заведующим отделом рабочей и сельской молодежи Виктором Одинцовым. Хорошая творческая и человеческая дружба связывала нас с Виктором Перегудовым, лучшим «коммунарским» публицистом конца 70-х — начала 80-х годов. Получалось, что после университета меня должны были принять корреспондентом. Однако в обкоме не приглянулась моя чисто учебная анкета. Так что, особо не сожалея, поехал работать в богучарскую районку. Пять лет длились районные будни — Богучар, Анна, Рамонь. Но всегда с превеликим удовольствием сотрудничал с «Молодым коммунаром». И в марте 1981 года был назначен заместителем редактора одной из лучших молодежек страны.

В ту пору газету редактировал Виталий Жихарев. С добрыми чувствами вспоминаю нашу совместную работу. Виталий был спокойным, уравновешенным руководителем. Именно в таком тогда и нуждался вечно бурлящий творческий коллектив. Каждый был, без сомнения, личностью или большим оригиналом с хорошо поставленным журналистским пером. Ольга Парфенова, перенявшая у Эммы Худяковой и Людмилы Анцуповой эстафету очерка нравов. Эдуард Ефремов, поправший университетскую кафедру ради «МК», пламенный трибун, хлебнувший хрущевской «оттепели» и студенческой целины. Алексей Павлов, профессионально точно, как станок с ЧПУ, выписывавший материалы о рабочей молодежи. Вечный «коммунаровец» Михаил Сенков, с которым юные внештатники обожали сотрудничать даже по такой малопонятной теме, как жизнь комсомольских организаций...

Виталию Жихареву как-то просто удалось успокоить чьи-то чрезмерные амбиции и направить энергию в разумное русло. Впрочем, любые эмоции, как правило, отступали перед делом. Газету всегда отличала не поза, а позиция. Если она за что-то сражалась, то или грудь в крестах, или голова в кустах. Вот тогда как раз «Молодой коммунара», к примеру, защитил от сноса домик на проспекте Революции, в котором родился Бунин. Вопреки горсоветовским козням и недовольству партийного начальства...

Для каждого из нас эта газета открыла мир новой жизни, большой простор для творчества. «МК» и сам был чудным миром. О журналистике как-то вычитал ироническую шутку: «Чтобы к нам прийти на работу, не надо быть идиотом, но все-таки надо при этом быть хоть немного с приветом». Бывает и в шутке немало истины. Мы жили газетой всецело. Ради строчки готовы были бежать, лететь, идти куда угодно в любое время дня и ночи. Алик Попов, с двухнедельным «коммунарским» стажем, на склоне дня звонит: «В театре оперы и балета горит занавес. Дайте 300 строк в номер...» На весеннем водохранилище вынесло на стрежень льдину с рыбаками. Володя Панцырев, который, по-моему, и плавать не умел, ринулся в лодку команды спасателей. За репортажем. Я, конечно же, счастлив,

что работал с такими людьми, которые ради «МК» в огне не горели, в воде не тонули, не замечали, как росли их дети. Этой сумасшедшинкой, одержимой любовью к газете они были похожи, но такие разные. Не зря все-таки говорят, что бы журналист ни писал, он пишет о себе.

Иван Щёлоков, покойный Сергей Шереметов кропотливо тянули сельскую тему, а оба поэты существом и душой. Написал как-то Серега великолепный, лиричный очерк о делегате съезда партии. На этом «гвозде» держался весь номер. Даже из обкома позвонили: «Молодцы! Пачку газет надо передать в Москву для делегации». Через 5 минут новый звонок: «Вы очумели, мать-перемать! Буквы в фамилии героя перепутали!» Триумф и трагедия. Сидит Серега, черной ручкой буквы правит. 50 «Коммунаров» для делегации выправил.

Юра Коденцев в одиночку делал спортгазету в газете. Болельщики его на руках носили, будто бомбардира «Факела». А в душу запал легкими, акварельной чистоты и нежности, подтекстовками к снимкам непревзойденных фотолетописцев, двух Михайлов — Rogozina и Вязового.

Из «Гренады» Ирины Слюсаревой выросли нынешние маститые писатели и поэты: покойный Вячеслав Дёгтев, Александр Ягодкин, Валентин Нервин, Сергей Попов, Полина Синёва...

А дружище Володя Панцырев, ответсекретарь, шумный, неистощимый, как энерджайзер, великий мистификатор. Задумали мы как-то с ним раздел сатиры и юмора «Час пик». Ради поиска новых авторов объявили конкурс. Однажды заходит ликующий Панцырев: «Есть шедевр! Представляешь, девица написала — Вера Сатина». Месяца три я смеялся над юморесками остроумной дамы, пока Володя не явился с университетским товарищем Евгением Коровиным: «Хватит хихикать. Знакомься — он и есть... Вера Сатина. Не знаю, как ему гонорар выписать». Потом вдобавок к юмору Женю Коровина увлекла сатира: поизгалялся над тупым и алчным гаишником-сержантом Мищенко. Ну, а в редакцию со скандалом появился однофамилец, правда, майор, начальник одного из райотделов ГАИ. Еле утихомирили человека. А меня, наверное, спасло то, что Володю Панцырева вскоре взяли собкором в «Комсомолку». Потом в Вологде он создал боевую газету «Русский Север». Обиженные читатели ему даже гранаты в окно бросали. Но он не уступил. И завоевал почетную международную премию. На Володю, без шуток, это похоже.

Наш «МК» был неистощимым инкубатором журналистских кадров. Многих забирали центральные газеты. Ольга Парфенова и нынче работает в «Труде». Эдуард Ефремов, Алексей Павлов, Валерий Журавлев были лучшими собкорами нескольких центральных изданий. Владимир Семенов возглавлял представительство «Комсомолки». Будучи собкором «Парламентской газеты», я нередко забегал в Госдуму к бывшему моему заместителю Василию Андрееву. Корреспонденту «Правды» и зарубежному собкору «Независимой газеты», а потом руководителю пресс-службы Госдумы, ему, конечно, было о чем рассказать. Но мы чаще вспоминали «МК». Да и как забыть бессменного художника Юрия Зиброва или незаменимую машинистку Розу Лихачеву, или бдительных корректоров, вылавливавших, но иногда и пропускавших самое интересное в газете, как говорил Чапек, — ошибки. Или как не вспомнить 80-летнюю Анастасию Ивановну Погорелову, ученицу писем. Не приведи господи было потерять читательское письмо! Она раньше всех приходила на работу. Я тоже имел такую привычку. Иду по тихому «коммунаровскому» коридору, а баба Настя курит «Беломор» и кашляет в своем кабинете. Значит, все в порядке. Она была бездетной, одинокой старушкой. Кроме «Молодого коммунара», у нее в жизни ничего и не было. Да и у всех у нас лучшего — тоже не было...

Юрий КОДЕНЦЕВ,
корреспондент «МК» (1982–1992):

— «Молодой коммунар» одним из первых в стране начал писать об Афганской войне. Трудно, в невероятных «терках» с цензурой, преодолевая глухую стену замалчивания, пробивалась эта тема на газетные страницы. «Афганцам» посвящались сначала небольшие заметки, корреспонденции, а потом целые страницы, ну а меня, как автора публикаций, в конце концов, отметили журналистской премией имени Ольминского (сразу после вывода советских войск из Афганистана). Естественно, ничего бы этого не было, если бы только у меня одного болела душа за ребят, исполнявших свой интернациональный долг. Я всюду встречал поддержку. И не только в среде товарищей-коммунаровцев — Владимира Новохатского, Ивана Щёлокова, Владимира Семенова, Василия Андреева, но и в той же всевидящей и во все всматривающейся цензуре. В военкоматах и воинских частях, даже в росошанской тюрьме (конкретно от ее начальника, потом генерал-майора Воронежского УИНа Николая Белогорцева), где мне нужно было встретиться с заключенным-«афганцем».

Редкое единение людей я чувствовал при «раскрутке» афганской тематики и много раз встречал редкостное соучастие в судьбах ребят «потерянного поколения».

В самом начале «афганского» периода своего творчества я пришел к мысли, что рассказывать о войне желательно непосредственно ее участнику. У знакомого студента ВГУ спросил, учиться ли на журфаке кто-нибудь из «афганцев». «Есть такой, — ответил он. — Виктор Руденко». Когда я впервые его увидел, никак не мог представить его отвоевавшим. Ну, не тянул он всем своим видом на «фронтовика» — щупленький, худенький, как школьник-хорошист. А в глазах полная отрешенность от того, что происходило вокруг. Ему и выпало взять из моих рук «афганскую эстафету» в «МК». Долго он вживался в поствоенную атмосферу, но, на мой взгляд, именно занятие журналистикой помогло Виктору пройти ускоренную психологическую реабилитацию. Нынче Виктор Руденко — главный редактор газеты «Коммуна», уважаемый не только в Воронеже, но и в стране журналист, много сделавший для увековечивания памяти об «афганцах».

А еще до сих пор не дает мне покоя одна коммунаровская тайна. В «МК» ближе к концу 80-х появился неприметный с виду Александр Шаманин. Тоже бывший «афганец». Выправка военная просматривалась: четкость, умение держать слово, исполнительность. А внешней корреспондентской ауры не было. Человек по состоянию здоровья уволился из Вооруженных Сил в чине старшего лейтенанта, но что за болезнь, какой диагноз — так мы ничего и не узнали. Я крутил ему на магнитофоне Высоцкого и однажды поймал себя на том, что Саша военный цикл песен (минут сорок продолжительностью) слушал, затаив дыхание и ни разу не шелохнувшись.

— Еще раз прокрути про летчиков, — попросил он, и я вернул пленку кассеты на то место, откуда звучали слова: «Их восемь, нас двое, расклад перед боем не наш, но мы будем играть. Сережа, держись, нам не светит с тобою, но козыри надо равнять...»

Раз двадцать я возвращал на круги своя песню Высоцкого о воздушном братстве летчиков во время Великой Отечественной. Стояла уже глубокая ночь. Саша произнес единственную фразу: «Теперь я понял своего отца» (фронтовика, бывшего летчика).

Можно было остаться у меня с ночевкой. Можно было проговорить до утра обо

всем, что душа желала. А он засобирался в семью, протянул руку, стиснув мою крепче обычного, и ушел в темноту. Как оказалось, ушел навсегда. Я так и не узнал, какой была его болезнь...

Очень многих, с кем пришлось работать в «Коммунаре», уже не осталось в живых. И все они ушли, по большей части, в самом расцвете. Олег Чуркин, Сергей Шереметов, Женя Бусалаев... Жаль — до душевной боли...

ДО ПОСЛЕДНЕГО НЕРВА МОЯ ВЫСОТА

Иван ЩЁЛОКОВ,

главный редактор «МК» (1987–1992)

Былое здесь, под сердцем, — свято!
Подлодкой бухнулось на мель...
А с ним — и пыл восьмидесятых,
И перестроечный мой хмель,
И боль редакторского груза,
И страстных строк целебный вар...
Тогда моя скучала муза,
Зато резвился «Коммунар».

Это отрывок из главы, написанной мной в дни трагедии атомной подлодки «Курск». А цитирую я эти строчки с единственной целью, чтобы показать: даже спустя годы, любимая газета не ушла из меня. Она живет своим отдельным миром, словно сверкающая на солнце вершина. Я взобрался однажды на нее и ощутил: счастливей этой покоренной высоты больше не будет. Другая — да, новая — может быть, но чтобы ярче, до последнего нерва моя — нет.

Буду откровенен: работалось тяжело. В 1988–89 гг. политическая жизнь страны буквально рвалась наружу из бетонных укреплений однопартийности. Воронеж не являлся исключением. Недовольство коммунистами росло. В городе появлялись силы, взрывавшие на митингах царившую некогда полусонную провинциальную обстановку.

Не писать о новых явлениях действительности молодежка не могла. Бывали моменты, когда ты, редактор, давая «добро» на публикацию острого материала, понимал: в обкоме партии не одобрят, комсомол не поймет, демократы не оценят... Сыпавшиеся со всех сторон на мою голову упреки в продажности, предательстве были явлением типичным, почти повседневным. Доходило до ночных звонков домой с угрозами пристрелить или, в лучшем случае, набить морду. Сегодня все это вспоминается с улыбкой. Действительно, кому служил? Оказалось, только ей, газете! Читателям! Обществу! Искренне верил, что газету можно сделать интересной, объективной, правдивой и, по возможности, менее зависимой от различных политических и иных группировок.

Хорошей встряской для политического взросления стали для меня выборы депутатов Верховного Совета СССР. Зеркалом сложнейших общественно-политических процессов стал тогда не только Воронеж, но и наиболее крупные райцентры. Бурлила Россошь. Жители хотели видеть своим депутатом известного телеведущего Александра Тихомирова. Обком КПСС присылал туда десятки пропагандистов, чтобы отбить у граждан симпатии к знаменитому москвичу. В дни «россошанского» противостояния между людской массой и неуклюжими действиями местной партийной власти «Молодой коммунары» опубликовал совсем безобидный уличный блиц-опрос молодых избирателей из райцентра. Ребята с девочками искренне признавались, как они будут голосовать и за кого. Многие назвали имя Тихомирова.

На следующее утро творилось невообразимое. Телефоны в редакции разрывались от одобрительных звонков читателей, в основном из южных районов области. Позже выяснилось, что первая страница «МК» с нашим блиц-опросом была откопирована тиражом свыше ста тысяч экземпляров и распространена в Россошанском, Подгоренском, Ольховатском и других соседних районах. Эту страницу расклеивали как листовку...

Реакция власти была соответствующей. Редактора обвинили в сговоре с росошанскими бунтарями, газета названа паршивкой, дестабилизирующей политическую обстановку в области. А всего-то и было, что газета стала просто зеркалом объективно протекающих процессов, каналом передачи уже свершившихся фактов и событий. Но газетная жизнь разнообразна. Наряду с серьезным случалось много и комичного, веселого. И смеяться было вроде небезопасно, и не смеяться — нельзя. Сквозь прожитые годы смотришь на это с юмором и как на отдушину в череде каждодневных забот.

Так, по субботам мы выпускали «Коммунар» маленьким форматом А3 на восьми страницах. Разумеется, старались наполнить его самыми гвоздевыми материалами. Нередко среди них встречались и довольно острые, неприятные для власти. Особенно болезненно на такие публикации реагировал первый секретарь обкома КПСС И.М. Шабанов. При этом он любил звонить редактору сам, без посредников. И вот однажды, в очередную субботу, в восемь утра у меня на квартире раздается телефонный звонок. Жене говорю:

— Не бери трубку, я сам: это точно Шабанов!

— Здравствуйте, Иван Михайлович! — громко и уверенно говорю.

— Ты как догадался? — удивленно спросил он.

— А кроме вас в восемь часов утра мне никто не звонит по субботам.

Короткая пауза, и голос Ивана Михайловича:

— Слушай, а ты не мог бы сейчас подъехать ко мне?

— Могу!

Приезжаю, захожу в кабинет первого секретаря обкома партии не без волнения. Шабанов открывает вторую страницу свежего «Коммунара» и пальцем показывает на короткую заметку с фотографией уходящего от трибуны председателя областного Совета Г.С. Кабасина.

— Скажи мне, — хитро прищурился Иван Михайлович, — а что за чудак на букву «м» у тебя этот В. Иванов?

Выдержав несколько секунд, не без дерзости докладываю:

— Это я, Иван Михайлович!

— Не верю! — вскакивает со стула. — Нет, ты это серьезно?

— Да!

— И ты это сам написал?!.. Ты на его мельницу льешь воду?

Мои путаные ответные аргументы о нейтральности содержания и оценок только усугубили разговор: первый стал не на шутку злиться. Мне надо было срочно придумать, как перевести беседу в другое русло. И когда он, как бы спрашивая и не требуя ответа, повторял: знаю ли я, кто тот такой, я выпалил:

— Так все давно говорят, что Шабанов сговорился со Щёлоковым и с помощью «Коммунара» свалили его с должности первого.

— Но ведь этого не было!

— Так говорят, Иван Михайлович.

Маневр, кажется, удался. Иван Михайлович как-то сразу перевел разговор на другие темы. Гроза улеглась, и мы в добром настроении пожали друг другу руки...

Новое стучалось в дверь редакции со всех сторон. В конце августа 1990 года в Воронеже образовалась газета «Воронежский курьер». Восемь сотрудников молодежки, в основном журналисты некомсомольского возраста, дружно меняли мес-

то работы. Некоторые предрекали «МК» скорую кончину, искренне полагая, что только они и были якобы настоящими газетчиками.

Не скрою: это был мощный кадровый удар. Но, как показала осень того же года, удар был не смертельный, а в большей степени оздоровительный. Собрал я тогда у себя «свою надежду и опору» — Юрия Коденцева, Евгения Бусалаева, Михаила Rogozина, Тамару Якуц, Виталия Мухина и других, и стали думать, кого брать на работу и откуда. И пошли на беспрецедентный шаг — зачислили в штат студентов-пятикурсников Виктора Руденко, Игоря Семенова, Александра Шабанова, третьекурсника Олега Мещерякова. Из Борисоглебска пригласили тамошнего корреспондента «районки» Эдуарда Гинделева. Невероятно, но уже через три месяца именно на молодой поросли держалась газета. Они были энергичны и изобретательны. Их творческий поиск перехлестывал через края, но лично я это приветствовал.

Вспомню всего один эпизод. Летом 1991 года в Воронеж должен был прилететь Ельцин. В моду входили интервью у трапа. Нужно было проявить смекалку, чтобы оказаться рядом с первым лицом государства, задать ему вопрос и получить ответ. Негласная охота за подход к трапу развернулась между «Коммунаром» и нашим оппонентом — «Воронежским курьером». Приятно вспоминать, но наши репортеры Олег Мещеряков и Эдуард Гинделева переиграли. На поверку все оказалось просто. Как правило, визит главы государства готовит специальная бригада заранее. Наши молодые коллеги заблаговременно перезнакомились с ними. Те во время приземления президентского лайнера обеспечили им беспрепятственный доступ к Ельцину.

И подобных случаев были десятки. Деловых, смешных и грустных. Приятных и не очень. Были творческие акции и специальные репортажи от Белого дома в Москве, с места горячих событий во время путча 1991 года. Много было всего. Но не было главного: подлости в журналистской работе, были искренность и вера.

Однако после встречи очередного нового, уже 1992-го, года я переходил на работу в комитет по печати и информации администрации области. Упрекнуть себя, казалось, мне было не в чем: коллектив я оставлял дружным и работоспособным...

Юра Коденцев шутил: «Александрыч уходит из «Коммунара» вместе с развалом Советского Союза!»

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ВРЕМЕНИ

Виктор РУДЕНКО,

корреспондент, заместитель редактора «МК» (1990–1993):

— Меня так и тянет сказать несколько слов о том суматошном времени, когда события следовали одно за другим, как сорвавшаяся с гор снежная лавина.

1990-й год. Прошло всего пять лет после начала горбачевской антиалкогольной кампании. Водка продавалась в водочных магазинах после 11 часов дня. И исключительно «лицам, достигшим 21 года». Поэтому в магазин те, кто помоложе, ходили с паспортом. Когда в 1987 году я вернулся из Афгана и захотел отметить дембель, мне водку не продали, потому что на тот момент еще не достиг 21-летия...

На полках магазинов — хоть шаром покати. Продукты — сахар, мука и т.д., продавались исключительно по талонам. Появлялись первые кооперативы, причем, чаще всего они что-то производили, но спустя время коммерция свелась к одной только торговле.

В Воронеже чуть ли не каждую неделю проходят митинги. На слуху имена демократов, которые современному читателю уже ничего не говорят. В редак-

цию толпами приходят подозрительные личности, тоже называющие себя демократами.

Пресса переживает настоящий бум. Появляется первый закон о печати, отменяется цензура. Газетные тиражи бьют рекорды. Читатель расхватывает толстые журналы с ранее запретными авторами: Солженицын, Шаталов, Шатров, Абалкин. Как детективы читаются экономические статьи о коллективизации, реальном состоянии советской экономики. По телевизору безостановочно идут прямые трансляции съездов народных депутатов.

Мы все жили эйфорией свободы, надеждами на прекрасное завтра. И все это находило отражение на страницах «Молодого коммунара».

Тот год памятен и для областных газет. Они выделяются из системы издательства «Коммуна». Редакции газет «Коммуна», «Молодой коммунар» становятся самостоятельными хозяйственными предприятиями. Вот она, долгожданная свобода! Но фактически — без рубля в кармане. За типографией оставляют помещения, оборудование, а редакции газет отправляют в «свободное плавание» налегке...

В самом начале 1992 года главного редактора Ивана Щёлокова пригласили возглавить комитет по делам печати администрации области. 3 января 1992 года он собрал всех нас и объявил:

— Я ухожу. Почувствовал, что перешел рубеж. Возраст, нужно давать дорогу другим...

В редакции возникло некое замешательство, появилось сразу несколько претендентов на редакторское место. Коллектив выбрал Владимира Колобова. Неожиданно для себя я стал заместителем редактора, а газета «Молодой коммунар» вскоре сменила свое название на «Утро». Под названием стояло: «Независимая молодежная газета Центрально-Черноземного региона».

Спустя много лет можно как угодно критиковать редакцию молодежи за такой опрометчивый шаг — смену названия. Понятно, что не хватило мудрости, житейского опыта. Коллектив пошел на это, поддавшись соблазну «великих перемен». И, наверное, не последняя причина — из боязни, что с «коммунистическим» названием не выжить газете в новых условиях...

Запомнились слова земляка Василия Пескова, когда к нему обратились с просьбой прокомментировать смену названия с «МК» на «Утро». Он ответил резко и недвусмысленно: «Я в газете с таким названием не работал».

Потом, как известно, ошибку исправили, привычное название вернули. Как говорится, не ошибается тот, кто ничего не делает.

«ЛЕТАЮТ...»

Игорь СЕМЕНОВ,

заместитель ответственного секретаря «МК» (1990–1991):

— Не могу не вспомнить о мировой сенсации, благодаря которой наш любимый город, наверное, впервые за долгую историю попал на первые полосы всех газет мира и в сводки новостей всех информагентств. Речь идет о посещении Воронежа инопланетянами в 1989-м или 1990 году. В тот период я был еще внештатным корреспондентом «Молодого коммунара» и наблюдал за происходящим со стороны. Молодежка оказалась практически единственным изданием, которому снисходительно было позволено писать про инопланетян все. Ну, то есть, просто все-все...

Я случайно оказался в редакции в тот период и поинтересовался у Юрия Козенцева слухами про прилет «тарелки» в левобережный Козий парк, официально

стыдливо именовавшийся Южным. Юрий сообщил, что они уже в курсе, и что подготовкой материала срочно в номер занимается Женя Бусалаев. Он заперся в кабинете, не выходя оттуда два часа, не отвечает на телефонные звонки, и только клубы сигаретного дыма, вырывающиеся из-под двери говорят о титаническом творческом напряжении. Я чувствовал, что присутствую при рождении легенды...

Через некоторое время Бусалаев вышел из кабинета, его взгляд был устремлен куда-то в астрал, а пальцы беспрестанно щелкали.

— Надо... — сказал он.

— Что? Что? Куда звонить? Принести воды? Закурить? Что надо-то? — засуетились присутствующие.

— Заголовок надо... придумать...

Тут у журналистов заработала фантазия. Чаще всего предлагались варианты со словами «таинственный», «загадочный», «сенсационный». Юрий Коденцев обильно цитировал любимого Высоцкого: «те, кто выжил в катаклизме...», «Воронеж — незакрытый пуп земли» и тому подобное. Бусалаев, однако, скептически выслушал все это, вздохнул, еще раз куда-то пристально посмотрел, будто советуясь, и пошел в наборный цех. На следующий день его публикация, почти на четверть большой полосы, вышла с многозначительным и утверждающим заголовком «Летают...»

Будь это сейчас, он бы в один день стал мировой знаменитостью и, наверное, сделал бы на этом небольшое состояние. На моей памяти у одного из коллег-фотокорреспондентов американский журнал за двести долларов купил фотографию Лигачева при посещении им воронежского завода. По тем временам это было огромными деньгами и являло собой зримый пример достоинства нашей печати перед продажностью западной прессы. Тогда же Бусалаев совершенно бесплатно с видом бывалого уфолога направо и налево раздавал интервью осаждавшим его журналистам «Рейтера» и разнообразных «... таймс».

Пытаясь хоть ненадолго попасть в отблеск инопланетной славы, я через некоторое время принес Жене заметку из «Московских новостей» о том, что, оказывается, мы знаем не всю правду. На самом деле прилетевшие в Воронеж инопланетяне были схвачены вездесущими работниками местного КГБ и в настоящее время ожидают своей участи в подвалах небезызвестного серого здания по улице Кости Стрелюка. Женя внимательно выслушал меня и на предложение продолжить эту тему на страницах «Молодого коммунара» в целом отреагировал одобрительно.

— Но, понимаешь, старик, мы же с тобой репортеры, профессионалы... — доверительно сказал он мне, студенту журфака, против чего я, в принципе, не возражал, и продолжал: — Надо бы выслушать и другую сторону, чтобы быть объективным.

— Какую другую? Инопланетян? Так это ж у тебя связь с ними...

— Да нет, надо позвонить в КГБ и осторожно у них все разведать. Конечно, они вряд ли что-нибудь тебе скажут, но вдруг получится. В любом случае мы можем честно сказать, что они от комментариев отказались... Ну, что, хочешь писать про летающую тарелку?

— Хочу, — честно сказал я.

— Тогда не буду отбирать у тебя хлеб. Звони в КГБ. Там у них за связи с общественностью отвечает... — и он назвал имя одного уважаемого полковника КГБ и его телефон.

Несколько раз предварительно прорепетировав, я набрал номер и бойко задал собеседнику на том конце провода мучивший меня вопрос о пришельцах, томящихся в чекистских застенках. Моя информированность, похоже, поставила его в тупик. Он долго расспрашивал меня, откуда мне стала известна эта информа-

ция, и попросил перезвонить позже. Я уже предвкушал сенсацию и даже начал набрасывать тезисы будущей статьи.

Когда через полчаса я набрал заветный номер, ожидая услышать как минимум подтверждение своих слов, был нещадно отруган за то, что, во-первых, отрываю людей от важных государственных дел; во-вторых, за то, что занимаюсь недостойным советского журналиста делом — распространяю слухи и клевету; в-третьих... А в-третьих, мой собеседник, видимо, знакомый с приемами Остапа Бендера, пожаловался на то, что плохо расслышал, как меня зовут и из какой я газеты. Признаюсь, что я смалодушничал и, путано извиняясь, поспешил положить трубку...

А наблюдавший за всем этим опытный газетный волк Женя Бусалаев усмехнулся и похлопал меня по плечу: да, старик, рановато еще тебе про инопланетян-то...

БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДЫШКИ

Владимир КОЛОБОВ,
главный редактор «МК» (1992–1997)

Коммунарские годы В. Колобова отмечены особыми вехами взлетов и терзаний. Ему выпало быть в эпицентре чуть ли не всесоюзного скандала, спровоцированного в газете обкомом партии и облуправлением КГБ вокруг документальной повести Анатолия Жигулина «Черные камни», пробивать публикации против злоупотреблений первых лиц областной власти. И главное — нести тяжкий экономический крест освобождающейся от партийного гнета печати. Об этом несколько заметок из его редакторского дневника.

...5 июля 1990 года. Эффект разорвавшейся бомбы вызвала статья Саши Сорокина под заголовком «А что бы сказал Карл Маркс?», в которой рассказывается о «квартирных проделках» председателя облисполкома Ивлева и второго секретаря обкома КПСС Зарубина. В ее основу легли материалы проверки постоянной комиссии по гласности Воронежского городского Совета народных депутатов.

21 июля 1990 года. Серия статей на тему «А что бы сказал Карл Маркс?» продолжена. На этот раз героем критической публикации стал первый секретарь обкома партии Геннадий Кабасин, которого тоже, оказывается, испортил «квартирный вопрос». В воздухе запахло грозой...

3 августа 1990 года. В Воронеже состоялся совместный пленум обкома КПСС и контрольно-ревизионной комиссии областной парторганизации, рассмотревший вопрос о публикациях в газете «Молодой коммунар».

Далее цитирую номер газеты «Коммуна» от 4 августа 1990 года с информацией о принятых мерах: «За нарушения жилищного законодательства и использование служебного положения в личных целях пленум освободил И.А. Ивлева от обязанностей члена бюро обкома КПСС. Принято к сведению заявление И.А. Ивлева, что он по этическим соображениям не может больше занимать должность председателя облисполкома. Пленум поручил коммунистам-депутатам областного Совета народных депутатов поставить на сессии вопрос о целесообразности использования его в этой должности.

За действия, порочащие авторитет выборного органа, пленум освободил Г.С. Кабасина от обязанностей члена бюро обкома КПСС. Коммунистам-депутатам областного Совета народных депутатов рекомендовано внести на рассмотрение сессии вопрос о возможности использования Г.С. Кабасина в должности председателя областного Совета народных депутатов»...

8 января 1992 года. Редакция бурлит. Все готовятся к выборам главного редактора. Голосование — тайное. И вот результат: мне доверено право стать во гла-

ве редакционного коллектива. Был ли я рад? Конечно, да! Но и реально понимал, что меня ждет.

Хозяином (я имею в виду не кадры, а экономическое положение газеты) мне досталось нелегкое. На счету — ни копейки. Учредитель — обком комсомола — сам гол как сокол. Попытки найти в Воронеже других учредителей, способных оказать финансовую поддержку газете, предпринятые ранее моим предшественником, к успеху не привели. Никто не хотел нам помогать. Положение усугублялось тяжбой с издательско-полиграфической фирмой «Воронеж» из-за занимаемых редакцией служебных помещений в известном Доме печати в Северном микрорайоне Воронежа. Нас в любой момент под предлогом неуплаты аренды могли вышвырнуть на улицу, несмотря на то, что «Молодой коммунар» в свое время внес собственную лепту в строительство этого здания.

Апрель 1992 года. Выход найден! Областная молодежка вышла под новым названием «Утро». Поменялся и статус газеты: она стала региональным изданием. В состав соучредителей вошло Министерство печати и информации Российской Федерации. Реальную помощь газете оказали министр Михаил Полторанин и глава администрации Воронежской области Александр Ковалев...

4 января 1995 года. Газета вновь вышла под «шапкой» «Молодого коммунара». Какие причины заставили нас вернуться к прежнему названию? Во-первых, мы поняли (прежде всего, говорю про себя), что три года назад совершили ошибку. А ошибки, на мой взгляд, лучше исправлять самим, чем это сделают другие. Во-вторых, у газеты нашлись, наконец, в Воронеже учредители, согласившиеся взять на себя нелегкое бремя соответствующих хлопот. Ими стали координационный совет по делам молодежи, комитет по печати и информации облادминистрации, госпредприятие «Роспечать» и, естественно, редакция «Коммунара»...

* * *

Экономические заботы всегда были заглавными для редакции в перестроечные годы. С помощью правительства области главные редакторы Дмитрий Нечаев, Валерий Мальцев, Александр Пирогов, Денис Пименов с разной степенью успешности решали их, разделяя вместе со своими читателями тяготы постсоветского реформирования, старались удержать издание на плаву в условиях зарождавшегося «дикого рынка». К этому обязывал, прежде всего, бренд «Молодого коммунара» как историко-культурного явления в регионе. О бережном отношении к таким изданиям как-то говорил даже Президент России. Однако с 1 июля 2015 года издание газеты «Молодой коммунар» второй раз в его истории было прекращено, теперь по инициативе департамента связи и массовых коммуникаций Воронежской области. Впрочем, будем надеяться, что последняя точка все же не поставлена и продолжение следует. Ведь несмотря на кажущееся обилие информационно-коммуникативных источников, как показывают социологические замеры, современная молодежь нуждается в умном, авторитетном и искреннем собеседнике, каким в лучшие свои годы была газета «Молодой коммунар».

Публикация Владимира НОВОХАТСКОГО

